

Мы совсем разучились ценить себя. Чем больше смотрю спектакли на Западе, особенно на сценах Бродвея, тем больше преисполняюсь любви к русскому театру.

«Последний сезон очень удачный», «на сценах Бродвея много серьезных пьес», считают знатоки. «Гамлет» с Ральфом Финнесом. «Ужасные родители» Жана Кокто, пьеса, никогда прежде не шедшая в Америке, «Татуированная роза» Теннесси Уильямса, ее не было на сцене Бродвея более сорока лет. Уже сколько лет идут «Кошки» и «Отверженные», «Мисс Сайгон» и «Поцелуй Женщины-паука», и все равно эти мюзиклы по-прежнему собирают зрительные залы. Цены на билеты не снижены: от 60 до 80 долларов.

Современных пьес очень мало. Только Терренс Макнелли каждый год ставляет на Бродвей новую пьесу. «Любовь! Доблесть! Сострадание!» названа лучшей в 1995 году. Написанная по следам большой проблемы СПИДа, она вызывает огромный зрительский интерес, хотя консервативно мыслящего зрителя поражает, что семь актеров играют почти весь спектакль в обнаженном виде.

Американец Скотт Эллис поставил «Месяц в деревне», и зрительный зал млеет от поэзии тургеневской пьесы, до основания не понятой ни режиссером, ни актерами, хотя среди исполнителей известный по кино Мюррей Абрахам.

Бродвей, всю жизнь казавший воплощением американского миропонимания и американской мифологии, как бы впадающий в себя взгляды, принципы и надежды нации в их самом простом, ясном и общедоступном варианте, сегодня утратил свои былые позиции. Все размерено и заранее предопределено. Русская классика: в прошлом сезоне — «Ревизор», в нынешнем — «Месяц в деревне». Теннесси Уильямс: три года назад — «Кошка на раскаленной крыше» с Кэтрин Тернер, два года назад — «Трамвай «Желание» с Джессикой Лэнж, сегодня — «Татуированная роза» на сцене театра «Круг в квадрате».

Этот театр последние годы находился в крайне трудном положении. Теодор Манн, когда-то стоявший у истоков рождения офф-Бродвея, был весь в долгах и не мог найти выхода из мучительной ситуации. Помог случай. Его сопродюсер, Жозефина Абади, приехав в Россию, в Волгоград, ставить спектакль, узнала, что на сцене театра долгие годы успешно шла «Татуированная роза», пьеса забытая на родине великого американца, и, вернувшись в Нью-Йорк, предложила Манну ее поставить. Режиссер спектакля Роберт Фоллс. На роль Серафимы в «Татуированной розе» пригласили Мерседес Руэл, и повалил зритель. Здание на углу 50-й стрит и Бродвея уже отвыкло от такого наплыва публики. Сам Манн, скорее, продю-

сер, чем режиссер, хотя и ставил на сцене Малого театра в Москве «Ночь Игуаны» Уильямса, правда, без особого успеха, словно ожил. Снова планы, мечты, надежды.

С именем Теодора Манна связано прошлое театра Америки. Это он когда-то привел на подмостки знаменитого Хосе Куинтеро, завоевавшего признание в конце 50-х годов постановками пьес Юджина О'Нила «Продавец льда грядет» и «Долгий день уходит в ночь». Вдова Юджина О'Нила, Карлотта Монтери, в те годы переда-

ла ему право на постановку последней великой пьесы первого драматурга Америки. Сегодня Хосе Куинтеро — ему пошел 71-й год — по общему признанию, «патриарх» американской режиссуры. Он специально приехал в Бостон смотреть «Долгий день уходит в ночь» в исполнении Московского театра имени Гоголя. Зрительный зал, состоявший в основном из участников международной конференции «Последователи О'Нила», оглядывался на лицо знаменитого панацеи. Оно было непроницаемо. Когда кончился спектакль (естественно, он шел на русском языке без синхронного перевода в расчете на публику, знающую пьесу), Хосе Куинтеро поднялся и первым начал громко аплодировать актерам и постановщику спектакля Сергею Яшину. Вслед за ним поднялся весь зал. Овация длилась несколько минут. Светлана Брагарник в роли Мэри и Олег Гуцин в роли Джеймса потрясли прославленных знатоков драматургии О'Нила.

Уже потом, за кулисами, Хосе Куинтеро говорил о неожиданной трактовке, высокому мастерству Владимира Самойлова в роли Джеймса Тайрона, о роли режиссера, который и создал экспрессионистский рисунок, обративший запрятанную в тексте поэзию к действию, и все время не отпускал Светлану Брагарник, имевшую, пожалуй, самый большой успех во время этой короткой и ответственной гастрольной поездки. Все это — в Америке. А что дома? Журналистка, спрятавшаяся за инициалы Н. Б. из «Московского комсомольца» имеет на все собственное мнение: «Магнитные бури перестройки, кажется, окончательно свели с ума репертуарные компасы многих театров. Истосковавшись по запретному плоду, они бросились разом осваивать техасско-коннектикутскую целину. Замелькали на афишах имена Миллера, Олби, Уильямса, О'Нила. Особенно тут отличился один столичный театр имени великого русского классика, стабильно вот уже несколько лет ставящий исключительно господ Уильямса и О'Нила. И значит, регулярно выезжающий «пропагандировать» американское искусство русского розлива среди американцев...» Этот текст был опубликован 16 мая

гордиться, это правда, но театр, пожалуй, единственное, что у нас есть, и в чем мы по-прежнему очень сильны.

Мне было обидно, что Бродвей не видел спектакля Анатолия Эфроса «Месяц в деревне» с Ольгой Яковлевой в роли Наталии Петровны, Олегом Далем — Беляевым и Еленой Кореньевой — Верочкой. Высокие истины здесь давно пали в цене, как пал в цене сам жанр психологического реализма. Когда-то Эфрос ставил «Лето и дым», где замечательно Ольга Яковлева играла Альму, а в маленькой роли ее мамы навсегда запомнилась Людмила Перепелкина, и сегодня работающая в театре на Малой Бронной. Во МХАТе шла «Сладкогласная птица юности», и Степанова, великая ис-

шесть, русские выступают и в зале «Атлантик-Сити», где сегодня проходят гастроль Валерия Леонтьева. Но билеты продаются все равно «у Мони и Миши» и указываются телефоны тех, кто помогает их распространять. «Сан-Франциско — билеты в русских магазинах», «Сан-Диего» — Рита, «Нью-Йорк» — Брайтон-Бич, магазин «Днестровский», «Людмила Гурченко с головкружилыми гастрольями по Соединенным Штатам», «Киевский еврейский театр Мазлтов впервые в Америке с грандиозными гастрольями», — типичные рекламные объявления газеты «Новое русское слово». Сегодня у этой старой газеты для эмигрантов появился конкурент — газета «В новом свете», издающаяся при

царей театра замещаются фигурами мещан-лавочников. Хотя и сегодня русский театр — это то, чем мы можем гордиться. Мы и гордимся Никитой Михалковым, создавшим замечательный фильм «Утомленные солнцем», собирающий зрительские толпы в Нью-Йорке, режиссерским талантом Олега Ефремова, Андрея Гончарова, Петра Фоменко, Марка Захарова, Анатолия Васильева, Камы Гинкаса, Валерия Фокина.

Надо было послушать, с каким восторгом говорили американцы о прошедших в этом сезоне в Нью-Йорке гастрольях Санкт-Петербургского Малого драматического театра. Имя Льва Додина запомнили все, кто полтора месяца подряд заполнял огромный зрительный зал Бруклинской академии музыки. Галина Волчек поставила со студентами Нью-Йоркского университета «Вишневый сад», и студенческая работа продемонстрировала новый стиль игры Чехова, прежде неведомый Нью-Йорку. После спектакля Сергея Яшина «Долгий день уходит в ночь» американцы заговорили о том, что русские удивительно глубоко умеют играть их собственную драматургию, внося в ее интерпретацию деликатность души.

А в то же время московский рецензент презрительно пишет об «американском искусстве русского розлива». За этим не только нулевая мысль. Отсутствие идеи в ее высшем смысле вынуждает воспринимать мир мелочно и узко. Не случайно мистическая чувствительность сегодня соседствует с равнодушным отношением к собственной земле. Встреча с Америкой произвела переворот в неокрепших душах. Западные нормы не привились, а «новые взгляды» выразились только в презрении и отрицании. Появилось даже новое презрительное выражение лиц, и мы давно уже живем среди людей, которые не стесняются в средствах.

Неясность цели породила неверие и заводо «псевдосветский» гедонизм, замешанный на цинизме. Далеко не лучший билет на концерт Элтона Джона стоил один миллион двести тысяч рублей, т.е. около 240 долларов, что не позволило бы себе установить ни один бродвейский продюсер. Бедам с его фарсовыми сюжетами становится неуправляемым.

Когда массовое сознание воспалено и постоянно кто-то реально извлекает и политические, и финансовые дивиденды из создавшейся ситуации — без Идеи жить нельзя. А русский театр, несмотря ни на что, дарит неожиданности, привлекает сердца и души во всем мире. И задуматься надо не о тех, кто не хочет этого замечать, а о том, почему знаменитые ахматовские строчки «Я была тогда с моим народом, там где мой народ, к несчастью, был», стали выглядеть старомодными.

На Бродвее аншлаги: «РУССКИЕ ПРИШЛИ!»

как раз в те дни, когда в Бостоне шли гастроль Театра имени Гоголя, столь прозрачно названного автором заметки.

В сущности, в основе оскорбительной фразы «американское искусство русского розлива» лежит презрительное отношение к своему театру, подосознательное желание совлечь с себя все традиционные культурные покровы, эмансипировать себя до такой степени, чтобы не было никаких оков. Чего греха таить — сегодня возникла новая душевная структура, она все время понижается в своем уровне. Безвкусице и незнание стали уделом дня. Крайний материализм, философские наивы и жалкий, удивительно распространен. Моральные мотивы, которые были очень сильны у нигилистов прошлого века, резко ослабли. Можно спокойно написать, что пьеса О'Нила «За горизонтом» — «тягостная история», можно взять интервью у Сергея Юрского и, задавая ему вопросы о БДТ, не упомянуть имени Товстоногова.

«К вседозволенности все привыкают, к цинизму в культуре привыкнуть нельзя. Было время, когда Писарев совершал погром эстетики, отрицал Пушкина и предлагал писать трактаты по естествознанию. Но, по словам Бердяева, «в его нигилизме была здоровая реакция против бездейственности, лениности, эгоистического замыкания в себе, был здоровый призыв к труду и знанию». Сегодняшний нигилизм и полное отсутствие чувства гордости к труду и знанию не призывают. Мы мало чем можем

кусница и мастерица, ослепительно играла Принцессу Космополис. Сегодня Светлана Брагарник и Олег Гуцин в «Костюме для летнего отеля» в Театре имени Гоголя, Татьяна Лаврова в «Молочном фургоне, не останавливаемомся больше здесь» во МХАТе имени Чехова, Театр имени Моссовета со своим спектаклем под крышей «Внезапно прошлым летом» и «Современник» с его вдохновенным созданием «Кто боится Вирджинии Вульф?» могли бы нарушить обыденный ритм Бродвея и продемонстрировать американцам в их собственной драматургии тот высокий мир чувств, который им столь нужен. Впрочем, в России всегда глубоко и тонко играли американские пьесы, достаточно вспомнить «Осенний сад» Лилиан Хеллман во МХАТе, «Балладу о несвеселом кабачке» в «Современнике» или «Человек из Ламанчи» в Театре имени Маяковского. Традиция не прерывается.

Гастроль в США, уже вторые по счету, принесли Театру имени Гоголя восторженных почитателей. Судя по посыпавшимся приглашениям театр становится желанным гостем в стране, где русские коллективы и отдельные группы актеров приезжают в основном играть по школам и синагогам для русской эмиграции. Иногда, когда за дело берется не продюсер-любитель, а находчивый человек, как Марина Ковалева, сумевшая за годы эмиграции сколотить состояние и стать во главе крупнейшего Бюро путе-

участия «Московского комсомольца». Она стоит всего 25 центов, и ее можно купить даже в киоске напротив Линкольн-центра. Если учесть, что «Нью-Йорк таймс» стоит 60 центов, воскресный выпуск 2 доллара 50 центов, а «Новое русское слово» — 50 центов, естественно, что «В новом свете» более доступна для эмигрантов, слабо знающих английский язык и интересующихся тем, что происходит в России.

Исчезли патристические чувства. У нас нет новой государственной идеологии. Старая разрушена, и у многих проявляется чисто большевистские наклонности: вырывать с корнем те чувства, которые лежали в основе прошлой жизни. В старые времена сверху навязывали идеологические клише, насилие и грубость были как бы узаконены. Гипертрофия государства, созданный привилегированный бюрократический слой, централизм безуспешно пытались изменить тип цивилизации. Но чувства любви к своей земле при всем том существовали. Эти чувства воспитывались ежедневно, ежечасно всей системой американской пропаганды. И она дает свои плоды. Американцы гордятся своей страной, своим искусством, диктуют законы шоу-бизнеса, в сущности, всему миру. Мы, наоборот, живем сегодня совсем по другим правилам: деньги стали культом, единственным ориентиром. Беспочвенная и бунтующая русская мысль, оказывается несвязанной с традициями. Образы ры-